

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 10

КОЖИНОВ И БАХТИН
(Продолжение)

16 марта 1962 года в газете “Литература и жизнь” появилась статья Кожинова “Литература и литературоведение”, в которой он дал по-своему уничтожающую характеристику, по сути, всей официальной науке о литературе того времени. “...Наше литературоведение, – писал он, – в сущности, очень мало и плохо исследует само литературное произведение как таковое... Работы чаще всего пишутся преимущественно *по поводу* произведений, в связи с ними, но не о них самих... Главное – нет ясного и конкретного исследования целостного искусства писателя в его неповторимом и богатом своеобразии... Конечно, произведение искусства отражает реальную жизнь. И всё же оно есть именно особый мир, созданный и живущий в художественной речи. Задача науки – проникнуть в *самый* этот мир, понять и оценить его с позиции жизни. А литературовед как бы “обходит” мир по кругу. Этот “метод”, прежде всего, антиматериалистичен. Вместо того чтобы исследовать словесную форму в её реальном содержании, литературовед, бросив “общий взгляд”, начинает произвольно конструировать отвлечённые соображения о содержании и ценности вещи. В результате литературоведение – одна из самых сложных гуманитарных наук, требующих большого и подлинно творческого труда – оказывается делом лёгким и простым...” То есть никому не нужным.

После этого зачина, в котором современные “зубры литературной науки” обвинялись в “антиматериалистичности” (при всей их приверженности “материализму”), более того, в “лженаучности”, Кожинов перешёл к самому главному – к тому, ради чего он и писал эту статью: подлинная наука о литературе есть. И есть её живой представитель – Михаил Бахтин, в ещё не переизданной книге которого “творчество Достоевского исследуется именно как целостный “мир”, живущий в конкретной материи художественной формы... На протяжении всей работы мы вместе с автором тщательно анализируем *сами произведения* Достоевского, проникая через сюжет, через образные детали в их содержание... Сама работа эта не проста, она требует от читателя внимания и напряжения...”

Стоит вчитаться в эту фразу молодого Кожинова, чтобы по достоинству оценить лихое умозаключение автора недавно изданной биографии Бахтина в серии “Жизнь замечательных людей”: “Тот... кто открывал страницы “Проблем поэтики Достоевского”, неизбежно начинал испытывать ощущение, что

в самые кратчайшие сроки способен освоить технику бахтинского возвышенно-мудрого говорения”. Непонятно, зачем понадобилась сему автору апелляция к так называемым “бахтинистам” более поздней эпохи, поднатюрившим в жонглировании бахтинской терминологией. В начале 1960-х всё было совершенно иначе.

Кожин прозорливо писал, что “тот, кто изучит её вдумчиво и серьёзно... поднимется на новую ступень в понимании того, что такое литература и что такое наука о литературе”. И это, действительно, было непростое чтение. Непривычные термины в непривычном контексте (“диалог”, “полифония”, “хронотоп”) только оттеняли глубину исследовательского проникновения в самую суть с л о в а. И на первых порах это совместное постижение в процессе чтения казалось погружением в неведомый мир без скафандра.

“...Дело переиздания книги, – бил в набат Кожин, – продвигается крайне медленно. Между тем потоком выпускаются работы о литературе, которые в лучшем случае никто не станет читать”.

И это было лишь вступление. Далее – о главном. О необходимости издания книги “Франсуа Рабле в истории реализма” (так называется диссертация, хранящаяся в архиве ИМЛИ).

И Кожин пишет о “другой эстетике”, воплощённой в этом труде:

“В истории искусства есть ряд значительных явлений, красота которых во многом прямо-таки недоступна для нас сегодня. В поэзии, скульптуре, пантомиме, танце ранней античности или азиатского и даже европейского Средневековья мы обнаруживаем такие тенденции, которые при непосредственном восприятии осознаются чуть ли не как безобразные” (далее идёт цитата из Гегеля, писавшего о сюжетах “Рамаяны”, как об “отвратительных карикатурных вымыслах”).

“Иная эстетическая мера”, “другая “система отсчёта” – вот что нужно, по мысли Кожина, чтобы войти в мир книги Бахтина, а через неё – и в мир самого Франсуа Рабле. “Всё человечество прошло через этот этап эстетического развития; на Востоке он просто получил наиболее монументальное выражение в искусстве, средневековая Европа быстрее прошла данную стадию. Однако ещё Рабле мог мерить этой эстетической мерой” – и потому невозможно односторонне воспринимать его “Гаргантюа и Пантагрюэля” как сатиру. Кожин цитирует из неопубликованного Бахтина:

“Нельзя понять этих телесных образов, их своеобразной художественной логики, их поражающей глубины и силы, если смотреть на них глазами художественных канонов XVII и последующих веков... В отличие от канонов нового времени, это тело неограниченное, незавершённое, неготовое, перерастающее себя самого, выходящее за свои пределы... И дана здесь эта стихия вовсе не в частно-эгоистической форме и вовсе не в отрыве от остальных сфер жизни. Материально-телесное начало здесь воспринимается как универсальное и всенародное... Поэтому всё телесное здесь так грандиозно, преувеличенно, безмерно... Ведущий момент во всех этих образах материально-телесной жизни – плодородие, рост, бьющий через край избыток. Все проявления материально-телесной жизни и все вещи отнесены не к единичной биологической особи и не к частному эгоистическому человеку, но как бы к народному, коллективному, родовому телу...”

Кожин подчёркивает, что “отголоски этой, казалось бы, забытой стихии” можно найти и в XX веке – в полотнах Гогена и в скульптурах Эрзи, в живописи Диего Риверы и в поэзии Пабло Неруды, “не говоря уже о современном искусстве народов Азии, Африки, Океании”... И, как следствие, “кажется несомненным, что, не став всецело исторической, эстетическая наука обрекает себя не только на узость, но и на топтание на месте”...

В письме Бахтину от 31 марта Кожин писал: “Читали ли Вы мою статью о Вашей книге?.. Если даже она Вам не понравится, я всё же не без торжества сообщаю, что именно в тот же самый день (во второй половине его) директор издательства дал указание включить Вашу книгу в план (а дело о ней месяца два лежало у него на столе)...”

Проходит почти 2 месяца – и в Саранск летит новое письмо с изложением обстоятельств, осложняющих выход книги в “Советском писателе”.

“...Не хочу от Вас скрывать – на днях возникло одно осложнение. Есть такая особа – Е. Книпович – (..... <цензурный пропуск>). Узнав об издании Вашей книги, она очень “заинтересовалась” (она влиятельный член

правления издательства) и заявила, что хочет поддержать книгу, которая, как она помнит, ей в своё время понравилась. В редакции обрадовались и доставили ей экземпляр (кстати, с большими трудностями) издания 1929 г. И она добровольно (и бесплатно!) написала пространную рецензию весьма мерзкого свойства.

Она совершенно зачёркивает первую часть книги, кроме главы “Идея у Достоевского”. Так, она заявляет (цитирую), что “автор как “вклад” и “величие” Достоевского поднимает те черты реллятивизма (написано именно через 2 “л”) и антиисторизма, которые в творчестве его были и которыми объясняется то, что в каком-то отношении у него (у слабых его сторон) учились и учатся (!) Пруст, Джойс, Кафка”...

Далее Кожинов сообщал, что, по мнению Книпович, “вторая часть прямо противоположна первой”, и делился следующими соображениями:

“Всё это достаточно печально, но я полагаю, что можно будет отвести все эти обвинения... Очевидно, всё образует. Но опасность всё же есть, и я не хочу скрывать это от Вас. Как говорил Гёте, нет ничего страшнее деятельно-го невежества. Ведь рецензия Книпович – совершенно добровольный акт защиты “истинных ценностей”...”

И далее он пишет о своей новой книжке:

“Посылаю Вам брошюрку, которую я случайно издал... Вы её лучше не читайте, разве только стр. 47, на которой Ваша книга уже издана (надо творить действительность всеми способами!) и стр. 18–20, где хорошие слова Л. Н.”.

Имеется в виду “брошюрка” “Основы теории литературы (Краткий очерк)”, вышедшая в издательстве “Знание”, где на указанной странице книга “Проблемы поэтики Достоевского” объявлялась уже вышедшей в 1962 году и стояла в списке рекомендованной литературы (!)... Кожинов, поистине, “творил действительность всеми возможными способами”... Также обращает на себя внимание цитата из Л. Н. Толстого, на “хорошие слова” которого он указал Бахтину:

“...Существование насильственных правительств отжило своё время <...> в наше время правительственными людьми <...> могут быть только люди, стоящие на самой низкой ступени нравственного развития. Люди эти потому и находятся на таких местах, что они нравственно вырожденные люди <...> Теперешние <...> властители, учредители всякого рода насилий и убийств, уже до такой степени стоят ниже нравственных требований большинства, что на них нельзя даже и негодовать. Они только гадки и жалки”.

Обращая внимание Бахтина на эти слова, Кожинов не сомневался: патриарх (как и он сам) безусловно отнесёт их к самой наисовременнейшей современности.

И он мог процитировать не только Толстого. Слишком многое у русских классиков говорило и о нынешней жизни в целом и о власти преобладающей, в частности. Так, читая Герцена, невозможно было не остановиться на строчках из письма Тургеневу, посвящённого “Семейной хронике” Сергея Тимофеевича Аксакова: “... Народы прощают многое – варварство Петра и разврат Екатерины, прощают насилия и злодейства, если они только чувствуют силу и бодрость мысли. Но непонимание воспользоваться обстоятельствами, схватить их в свои руки, имея неограниченную власть, ни народ, ни история никогда не прощают, какое там доброе сердце ни имей”.

Впрочем, ни о каком “добром сердце” нынешнего управителя на самом деле говорить не приходилось.

* * *

Когда сплошь и рядом говорят и читают о “поколении детей XX съезда”, имеют в виду, в первую очередь, генерацию 1930-х годов рождения. Эти молодые люди, на самом деле, очень по-разному восприняли хрущёвский доклад на XX съезде и последующую “расправу” нового первого секретаря с его бывшими единомышленниками и сопративителями – Молотовым, Маленковым, Кагановичем и “примкнувшим к ним Шепиловым”. Кто-то надолго (если не навсегда) терял покой и веру во всё происходящее. Кто-то не мог отделаться от обилия вопросов, на которые не давала ответа ни власть, ни окружающая

жизнь. Кто-то становился убеждённым антикоммунистом и антисоветчиком. Кто-то — наоборот — преисполнялся веры в “обновлённую партию” и вступал в неё с чистым сердцем. Кто-то дышал полной грудью, и голова у него кружилась от ощущения наступившей свободы. А кто-то полагал, что разоблачения Сталина “недостаточны”, и считал своим долгом подтолкнуть власть к действиям ещё более решительным.

Вадим Кожин относился, пожалуй, к тем, кто дышал полной грудью, но у кого отнюдь не кружилась голова — она, скорее, пухла от обилия подступавших вопросов. Ответы он искал тогда в послереволюционной истории и послереволюционной литературе — единственной, признаваемой им за литературу “социалистического реализма”, в том числе и в произведениях, созданных тогда, когда этого термина ещё не существовало в природе. В поэзии Маяковского, в первую очередь.

Прошло время. Случилась великая встреча с книгами Бахтина, а потом с ним самим. И общение это — личное и эпистолярное — совпало с очередным взрывом в общественной жизни. С XXII съездом КПСС.

К этому времени уже прозвучал хрущёвский лозунг “Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла!” (Кожин вспоминал, как он и его друзья смеялись, читая начертанное на кузовах грузовиков “Не уверен — не обгоняй!”). Это “догнать и перегнать” достигалось забоем скота, в результате чего в начале 1960-х начались перебои с мясом на магазинных прилавках. Ликвидация машинно-тракторных станций, передача техники колхозам привела к её массовому разрушению. Началась “кукурузизация” всей страны одновременно с уничтожением так называемых “неперспективных деревень”. И если с 1953 года началось возрождение деревни, то после 1958-го оно практически остановилось, а потом “процесс пошёл” в обратном направлении.

О том, что творилось на селе в начале 1960-х, вряд ли кто-то расскажет лучше Евгения Ивановича Носова, замечательного русского писателя, причисленного недалёкими классификаторами к “разряду” так называемых “деревенщиков”: “Вопреки ещё не успевшим выцвести, не смытым дождями оптимистическим диаграммам роста надоев и привесов, с прилавков магазинов стало исчезать мясо и всё мясное. Потом всё молочное... Куда-то девались пшено и гречка, как потом оказалось, на целые десятилетия... Пришла мысль посягнуть и на саму травопольную систему, выбросить из севооборота травы-предшественники, а вместо них внедрить ту же кукурузу. Для оправдания этого посягательства был изруган и дискредитирован основоположник этой системы академик Вильямс... Были ликвидированы и чистые пары, вместо них, даввших отдых земле, внедрялась опять та же кукуруза... Вспомним печальное постановление о лошадях. Они были обозваны дармоедами, поедающими чужой корм, позорящими социалистическую Россию бездельным ржанием и тяжёлым скрипом... Было запрещено выдавать корма на лошадей, их исключили из всех видов отчётности, то есть фактически объявили вне закона, и колхозы волей-неволей вынуждены были отправить их на убой. И потянулись на живодёрни эти скорбные, понурые шестивые лошадей по дорогам России, которую они много веков кормили, опахивали, окашивали и берегли от врагов... А насаждение декоративных агрогородов?! Ради такой театрализованной жизни, случалось, силком, с милиционером переселяли в казённые многоквартирные дома с общим туалетом под забором. А тем временем покинутые деревеньки объявлялись бесперспективными, дворы зарастали чертополохом, кособочились и падали радиостолбы, осыпались колодцы и ветер трепал истлевший белёсый флаг, забытый над крышей заколоченной школы...”

Но и этого мало. Была проведена денежная реформа, фактически обесценившая денежные знаки, в результате чего начался рост всех цен. И это сразу почувствовали на себе как сельские, так и горожане.

Безграмотный в отношении экономики, самоуверенный и самовлюблённый партийный интриган, ощутивший, что почва уходит из-под ног, Хрущёв не мог не видеть, что в результате его действий многие люди начинают всё больше и больше добрым словом поминать Сталина. И на XXII съезде он начал ещё более решительную и безоглядную атаку на покойного вождя, чем на XX-м. Борец против “культ личности” сам с помощью своего окружения, уже не стесняясь, сооружал свой личный “культ” “верного ленинца, выдающегося политического деятеля и теоретика марксизма-ленинизма”. На трибуне появилась старая большевичка, отсидевшая в лагерях 77-летняя Дора Лазурки-

на, заявившая буквально следующее: “Вчера я советовалась с Ильичом, будто бы он передо мной, как живой, стоял и сказал: “Мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принёс партии”.

Сталин был вынесен из Мавзолея, захоронен у Кремлёвской стены, и началось массовое сокрушение его памятников по всей стране.

Из Конституции СССР, по предложению Хрущёва, была изъята 131-я статья: “Каждый гражданин обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа”. А из программы партии было изъято следующее положение: “В партии не может быть двух дисциплин: одна – для руководителей, другая – для рядовых... Быть правдивым и честным перед партией, не допускать сокрытий и искажений правды. Неправдивость коммуниста перед партией и обман партии являются тягчайшим злом и несовместимы с пребыванием в рядах партии... На любом посту коммунист обязан подбирать кадры по признакам политических и деловых качеств. Не допускается подбор кадров по признакам родства и кумовства, землячества, личной преданности. Нарушение этих норм: подбор работников по признакам приятельских отношений, личной преданности, землячества и родства – несовместимы с пребыванием в рядах партии”.

Так был фактически открыт путь к будущему, сначала “тихому”, а потом и открытому разграблению общенародной собственности и к проникновению в партию волны карьеристов и проходимцев, приведших её к бесславному концу.

Этого всего как будто не замечали многие молодые литературные “звёзды”, уже окрещённые в журнале “Юность” “шестидесятниками” и буквально опьяневшие от “антисталинизма”. Более того, они с радостью и воодушевлением приняли очередную “новацию” Хрущёва и его окружения, как бы “подзабытую” с конца 1920-х – начала 1930-х годов: остервенелое, поистине революционное наступление на Русскую Православную Церковь.

Ещё 7 июля 1954 года ЦК КПСС принял постановление “О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения”, негласно понимая под “крупным недостатком” частичную реабилитацию Православия при позднем Сталине. Ко времени XXII съезда борьба с этими “недостатками” вошла поистине в патологическую фазу. В 1959 году было закрыто 364 церковных прихода, в 1960-м – 1398, в 1961-м – ещё 1390. Иные храмы просто взрывались, как в 1930-х годах. Был запрещён колокольный звон, закрыт доступ к святым источникам. Верующие выгонялись с работы, исключались из вузов, лишались родительских прав за “незаконное” крещение детей или посещение с ними храмов. Повсеместно закрывались духовные семинарии.

“Шестидесятники” преисполнялись восторгом при виде возвращения “ленинских норм” жизни. В только что вышедшей книги стихов Андрея Вознесенского “Парабола”, тут же поднятой критикой “на щит”, можно было прочесть характерное для того времени стихотворение под названием “Загорская лавра”:

*Сопя ногами сизыми
И подоткнувши рясы —
Кто смотрит телевизоры,
Кто просто точит ляды.*

*Я рядом с бледным служкою
Сижу и тоже слушаю
Про денежки, про ладанки
И про родню на Ладоге...*

*Я говорю: — Эх, парень,
Тебе б дрова рубить,
На мотоцикле шпарить,
Девчат любить!*

.....

*И колокол по парню
Гудит окрест.
Крест — на решётке.
На жизни — Крест.*

Нельзя не вспомнить и набравшего большую популярность прозаика Владимира Тендрякова. Кожинов вспоминал о его творениях того памятного десятилетия: "... Молодой в то время писатель ... Тендряков, который, между прочим, позднее превратился в радикального "либерала", в 1954 году опубликовал повесть "Не ко двору", на основе которой... в 1956 году был снят... кинофильм "Чужая родня" (его и сейчас время от времени крутят по телевизионным каналам. — **С. К.**), крайне резко, как нечто отвратительное, обличавший "пережитки" собственничества в крестьянстве (помимо прочего, один из героев фильма, первоклассный плотник, был заклеен за то, что хотел получать от колхоза плату за свой труд!...). В 1958 году Тендряков сочинил воинствующую антирелигиозную повесть "Чудотворная", тоже превращённую в 1960-м в обошедший все экраны одноимённый кинофильм. (К слову: фильма я лично не помню, но повесть помню прекрасно. В середине 1960-х я учился в начальной школе, и это тендряковское творение входило в программу *обязательного* литературного чтения. Мы, совсем ещё дети, сердечно сочувствовали мальчишке, нашему сверстнику, избиваемому старой бабкой — православной фанатичкой — ребром доски разломанной им иконы. Степень писательской подлости стала, естественно, очевидной много позже. — **С. К.**) Через много лет Тендряков написал воспоминания о встрече Хрущёва с писателями и всячески поносил Никиту Сергеевича, но в 1950-1960-х годах он явно был его вернейшим сподвижником... И есть основания утверждать, что кинофильмы, снятые на основе повестей Тендрякова, имели не менее сильное (хотя и иное по своему характеру) воздействие на поведение и сознание молодёжи, чем многочисленные хрущёвские речи, — особенно если учесть, что в фильме "Чужая родня" в роли борца с "собственничеством" выступал обаятельнейший молодой актёр Николай Рыбников".

Одновременно шло "обновление" городского пейзажа. Сносились без остатка целые кварталы с вековой историей. "В конце 1950-х — начале 1960-х годов, — вспоминал Кожинов, — вновь начались ломки и перестройки в Кремле, и особенно в самом ближайшем его окружении. Чувствовалось, что всё это может привести к самым печальным последствиям".

Эти последствия не заставили себя ждать. Старой Москвы, столь любимой Кожиновым, которую он прекрасно знал, оставалось всё меньше и меньше. Нежданно истреблялся в центре города "московский ампи́р" во время уничтожения уникального района — Собачьей площадки — под ликующий аккомпанемент ещё одного входившего в моду "шестидесятника" Юрия Панкратова: "Сметая замшелую пошлость домов, прикорнувших горбато, // ведутся на полную мощность работы в районе Арбата".

Через много лет Вадим Валерианович, собирая в единое историческое целое, тогда — в 1960-е — представлявшееся чередой жутких фрагментов, пишет ещё об одном "деянии" власти: "... Поставив в самом центре древней русской столицы памятник уже несколько подзабытому основоположнику (по своему замечательное — типичное — нагромождение: Маркс, сработанный Кербелем, на площади имени Свердлова), партаппарат приступил к новому агрессивному нажиму на крестьянство, Церковь (при Хрущёве, как точно установлено, за несколько лет было уничтожено больше храмов, чем за прошедшие четыре десятилетия) и саму природу России (воспетые многочисленными евтущенками авантюристическое "освоение целины", сооружение громадных плотин и прочее)..."

Кожинов, в ранней молодости переболевший "сталинизмом", не просто избавился от следов преклонения перед каким-либо "культом". Он на полном серьёзе относился к Хрущёву и его присным, как к "нравственно вырожденным людям", которые "стоят ниже нравственных требований большинства". Никакой речи о вступлении в партию и быть не могло. Более того, он исключил для себя возможность защиты докторской диссертации, предпочитая остаться, как и его любимый Бахтин, кандидатом наук.

Всю свою человеческую энергию он тратил в это время на пробивание бахтинских изданий. Что касается его собственного душевного состояния,

здесь, пожалуй, уместно процитировать Евгения Боратынского из книги “Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма”, вышедшей в 1951 году, которую Кожинов, конечно же, внимательно и вдумчиво читал:

“Мы свергнули старые кумиры и ещё не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себя. Вот покамест наше назначение.

Русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить”.

* * *

Кожинова тянет к Бахтину с силой непреодолимой. 66-летний, на внешний взгляд – старик, Михаил Михайлович извергает потоки энергии, выжигающие в его молодом, 30-ти с лишним лет собеседнике всё наносное, случайное, несущественное... Кожинов читает рекомендованного Бахтиным Розанова (с большим трудом доставая его книги): “Среди русских художников”, “Опавшие листья”, “Уединённое”, “Апокалипсис нашего времени”... А также ошеломляющее сочинение “Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови”.

“Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы её должны любить именно тогда, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно, когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в “грехе”, – мы и не должны отходить от неё... Но и это ещё не последнее: когда она, наконец, умрёт и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, – тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого...”

“Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их... Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает...”

“Нужно разрушить политику. Нужно создать аполитичность. “Бог больше не хочет политики, залившей землю кровью”, “обманом, жестокостью”...”

“Если “политика” и “политики” так страстно восстали против религии, поэзии, философии, то ведь давно надо было догадаться, что, значит, душа религии, поэзии и философии в равной степени враждебна политике и пылает против неё... Что же скрывать? Политики давно “оказывают покровительство” религии, позволяют поэтам петь себе “достойные стихосложения”, “глядят по головке” философов, почти со словами: “Ты существо хотя и сумасшедшее, но мирное”. Вековые отношения... У “политиков” лица толстые, лоснятся... Но не пора ли им сказать, что дух человеческий решительно не умещается в их кожу, что дух человеческий желает не таких больших ушей; что копыта – это мало, нужен и коготь, и крыло...”

“Что живо, то самобытно. Чем полнее существо человека, тем и лицо его выразительнее, не похожее на других. То, что называется общечеловеческою физиономиею, значит не что иное, как *на одно лицо со всеми*, т. е. физиономия *пошлая*”.

“... Как же мы мало знаем еврейство и евреев! Мы ведь их совсем не знаем. Как они умело скрывают под фиговым листом невинности силу громадную, мировую силу, с которой с каждым годом приходится всё больше и больше считаться”.

Читать хотелось ещё и ещё... И один вопрос наслаивался на другой, и все вместе они требовали ответа – каждый своего.

Кожинов снова приехал к Бахтину. На сей раз один...

– Михаил Михайлович! Вы советовали читать Розанова – прежде всего. Но ведь он был страшный антисемит!

– Ну, в таком случае Вам придётся считать антисемитами почти всех великих мыслителей и писателей России.

– Как же так?!

– А так! Представьте себе, что многое у них замалчивается, многое просто не публикуется. И это касается не только Достоевского. То же самое относится к Гоголю, Толстому, Лескову, Чехову, Блоку... А взять Андрея Белого,

Сергия Булгакова, Льва Карсавина? А наш с Вами современник Лосев?.. Читайте классику по старым изданиям.

“...Имела место, — писал позднее Кожин, — своего рода “цензура” по еврейскому вопросу, которая особенно неукоснительно действовала в интеллигентской среде. И к моменту знакомства с М. М. Бахтиным... в моё сознание было прочно внедрено представление, что подлинно “интеллигентный” и действительно “культурный” человек **не может** ни думать, ни тем более высказывать публично что-либо критическое в адрес евреев... Словом, мне стало ясно, что издавна действующий в интеллигентской среде “запрет” на критические суждения об **одной** из национальностей — явление сугубо ложное и, в конечном счёте, вредное даже и для самой этой национальности, ибо оно стимулирует либо даже вообще порождает в тех или иных людях экстремистские, “крайние” — и также заведомо ложные — негативные представления о евреях... Без всякого преувеличения скажу, что тогда, в 1962 году, Михаил Михайлович был **единственным** в мире человеком, который мог убедить меня изменить давно, с 1940-х годов внедрившееся в моё сознание представление об этом “предмете”, и убедить не какими-либо аргументами, а самой своей личностью...”

Впрочем, “перемена” — слишком неточное слово. В Кожинове произошёл фундаментальный п е р е в о р о т всего мировоззрения. И “национальный вопрос” был здесь лишь одним из сегментов.

“Помню, как однажды в Саранске, — вспоминал Вадим Валерианович, — он в течение нескольких часов, затянувшихся далеко за полночь, говорил мне о Боге и Мироздании, говорил так, что я ушёл в гостиницу в буквальном смысле слова потрясённый и не мог уснуть до утра, пребывая в никогда не испытанном духовном состоянии... На вопрос о соотношении христианских конфессий Бахтин, не задумываясь, сказал (как о давно решённом), что человек, причастный России, может исповедовать именно и только Православие... Только религия, говорил он, определяет ничем не ограниченную свободу мысли, ибо человек абсолютно не может существовать без какой-либо веры, и отсутствие веры в Бога неизбежно оборачивается идолопоклонством, то есть верой в нечто заведомо ограниченное временными и пространственными рамками и не дающее действительной, полноценной свободы мысли...”

— Царство Божие не внутри нас и не вне нас; оно — между нами...

Это было совершенно иное и з о б р а ж е н и е диалога, чем то, как его до сих пор воспринимал бахтинский собеседник.

Бахтин говорил о том, что настоящая религиозность рождается на тончайшей грани веры и безверия, а трагизм — на грани, на срезе жизни и смерти. И иллюстрировал поразительным примером: “Во время войны люди, с именем Сталина бросавшиеся под танки, не верили, что умирают. Они считали, что клич: “За Сталина!” — переносит их в какую-то иную жизнь”.

В самом бытии Вадима Кожина менялось всё. Он уезжал от Бахтина иным человеком.

* * *

Как уже упоминалось, в “Литературной газете” появилось письмо Виктора Виноградова, Николая Любимова и Константина Федина: “...Мы считаем очень важным и своевременным издание выдающегося исследования о Рабле, принадлежащего одному из интереснейших наших литературоведов — Михаилу Михайловичу Бахтину. Многим известна его прекрасная книга “Проблемы творчества Достоевского”, опубликованная ещё в 1929 году. Сейчас этот труд издаётся “Советским писателем”; одновременно он будет опубликован — по договорённости с “Международной книгой” — прогрессивным итальянским издательством Эйнауди”.

Николай Любимов, заново переведший “Гаргантюа и Пантагрюэля”, тоже вспоминал: “То, что Бахтин наконец выплыл, — заслуга Вадима Валериановича Кожина. Он и обратился ко мне с предложением написать письмо в “Литературную газету” о необходимости издания “Творчества Ф. Рабле”. Компания, в которую я попал, подобралась хоть куда — Федин, академик В. В. Виноградов. Но сначала вышла книжка о Достоевском, а потом уж Рабле. Я-то читал её в рукописи, и она мне очень помогла. Когда я показывал

куски переводов М. М., он одобрил мой метод – использование русских поговорок, поговорок. Уже гораздо позднее мы стали соседями, и время от времени я его навещал. . .”

В этот же день, когда было напечатано письмо, Кожинов пишет Бахтину: “Дорогой Михаил Михайлович!

Давно не писал Вам – всё дожидался, пока опубликуют письмо о Вашем Рабле в “Литературной газете” (сегодня, наконец!). Долго задерживали всякие типы. Это письмо важно тем, что теперь книга о Достоевском пройдёт без сучка и задоринки. А вторая – ещё посмотрим. Во всяком случае, интриги противной Книпович сорваны. . .

О себе писать мне нечего. . . Мы сдаём в издательство 2-й том нашей “Теории литературы”, где мне принадлежит более половины текста, и надо возиться со всякими доделками и редакционными поправками. Работа особенно скучна потому, что уже сданный 1-й том проходит в изд. Очень плохо, чёркают целые страницы (больше всего – в текстах Гачева), и обидно работать впустую. Быть может, вообще не издадут, ибо в теоретической работе всё явно, голо – “вредные” мысли не опредмечены в материале, в конкретном анализе. К тому же изд. АН самое мрачное. Сидят какие-то неизменяющиеся куклы. (Поэтому книгу о Рабле лучше всё-таки отдать в Гослитиздат – там, в основном, люди симпатичные. . .) Пинский соглашается быть научным редактором. Он считает Вашу книгу гениальной и самой глубокой в русском литературоведении. Правда, в то же время считает её односторонней.

Простите, что ничего не могу написать о Вашей главе, присланной “для отзыва”. Это виноваты Бочаров и Палиевский, которые вообще принципиальные кунктаторы. Они всё ещё читают и перечитывают. . .

Посмотрите статью Палиевского в № 6 “Нового мира” за этот год – по-моему, превосходнейшая вещь. Жаль, что сильно смягчена, обеззублена купюрами (она должна быть напечатана в одном сборнике полностью).

Получили ли Вы какие-нибудь сведения из Турина? Я слышал из третьих рук, что книга Ваша уже переведена на итальянский. . .”

И далее автор письма спрашивал мнение Бахтина о статье Пиамы Гайденоко в “Вопросах литературы”, о философии Хайдеггера, где цитировался поздний Бердяев, а также послал стихотворение тогда любимого и читаемого Мандельштама “Кувшин”.

Статья Палиевского, о которой писал Кожинов, была посвящена анализу буржуазного мира в романах Грэма Грина. Из Турина никаких сведений не было. . .